

Другой студент, по фамилии Ли, наконец нашёл возможность избавиться от Чжочжо и возразил: «А я считаю, что последние несколько глав намного лучше предыдущих. Изначально торговец маслом усердно учился, чтобы отблагодарить отца за его доброту, но потом его отец внезапно умер. Разве вам не было жаль, когда вы до этого дошли?»

— И поэтому он воскресил отца? — И-и пренебрежительно закатил глаза. — Это просто лишнее.

Студент Ли не сдавался. Компания разделилась на два лагеря и чуть не поссорилась. Тань Чжифэн уже был не в силах их утихомирить. Он молча отвернулся и посмотрел на груды книг «Сказание «Как торговец маслом сдал экзамены и отблагодарил отца»» и «Сказание «Как кузнец Ван стал маркизом и женился на королеве куртизанок»», сваленных в углу, мысленно подсчитывая их стоимость.

И-и быстро почувствовал недружелюбный взгляд Тань Чжифэна. Он ловко встал и пошёл в заднюю часть комнаты, всем своим видом показывая, что не собирается ни с кем спорить.

Вечерело. Несмотря на несколько негармоничных моментов за столом, гости наконец с удовлетворением закончили ужин. Чэнь Цин подбежал и сказал: «Чжифэн, сколько всего? Посчитай нам».

И-и ещё не вернулся. Тань Чжифэн закрыл книгу и, подняв голову, сказал: «Э-э... чай и закуски бесплатно, за хого... скажем, сто шестьдесят вэней. Сегодня утром господин Чэнь дал мне две связки монет, так что ничего не нужно, я вам ещё и сдачи должен».

— Как так дёшево, — удивился студент по фамилии Чжоу. — Ста шестидесяти вэней хватит только на десять паровых булочек у Цао. — И добавил: — Это порция только для брата Люя. Если бы мы ели это в башне Паньюлу или Чжуаньюаньюлу, или в тавернах развлекательного квартала семьи Сан, такой ужин обошёлся бы нам в двадцать-тридцать гуаней. Нет-нет, это мои, берите».

— Ладно, пусть будет по-хозяйски, — Чэнь Цин оттолкнул руку Чжоу, но сам достал связку больших монет и протянул Тань Чжифэну. — Впредь, если я не буду учиться в Институте Гуанвэнь, буду есть у тебя три раза в день. Когда деньги закончатся, ты мне скажешь.

Ещё вчера четверо из них не могли уснуть от беспокойства о деньгах, а сегодня их то и дело закидывали медяками. Тань Чжифэн не знал, смеяться ему или плакать. В конце концов, он подумал и сказал: «Я пока оставлю ваши две связки монет, их хватит вам как минимум на полмесяца».

Гости за столом наконец перестали спорить, кто будет платить, начали приводить в порядок одежду, накидывать халаты и, разговаривая, направились к выходу из переулка. Только Чэнь Цин всё ещё стоял у двери, что-то не договаривая. Чжочжо не переставала его разглядывать: «Что, господин Чэнь, хотите остаться, чтобы столы протереть и пол подмести?»

Чэнь Цин, однако, не нашёл это смешным: «Можно? Я могу помочь вам убраться?»

Тань Чжифэн не ответил на вопрос Чэнь Цина, а повернулся к Чжочжо: «Заставить гостя работать? Ты уверена, что мы сможем заплатить господину Чэню? И-и, тебе следовало бы почаще говорить Чжочжо то, что ты обычно говоришь мне. Ну же, трудолюбие — это привычка, бережливость — это добродетель...»

И-и как раз вышел из задней комнаты. Услышав это, его лицо вытянулось: «Тань Чжифэн, это

ты меня попросил, так что не жалея. Хоть ты сегодня и заработал полтора гуаня, на самом деле твой доход составил всего сто шестьдесят вэней. Из этих ста шестидесяти вэней три кролика, которых я купил, стоили триста двадцать вэней, плюс дрова, масло, соль, соус, уксус, побеги бамбука, грибы, ах да, ещё утренний рис и лапша... На самом деле, ты в убытке на двести шестьдесят вэней. Давай, Чанчан, спроси, сколько Тань Чжифэн потеряет за месяц?»

Чанчан сидел на корточках на полу, считая и жестикулируя: «Семьсот восемьдесят вэней! Чжифэн!»

— Ошибка! Семь тысяч восемьсот вэней. Итак, ты не можешь позволить себе нанять господина Чэня подметать пол и протирать столы. Я, конечно, тоже этого делать не буду, не видел, чтобы счетовод занимался уборкой, — закончив, И-и взмахнул рукавом, забрал у Тань Чжифэна одолженную книгу и грациозно поднялся по скрипучей лестнице наверх.

Оставшиеся внизу трое уставились друг на друга. Тань Чжифэн первым пришёл в себя и, столкнувшись с гневным взглядом Чжочжо, глубоко вздохнул и пробормотал: «Ну... это не моя вина, я не знал, что крольчатина такая дорогая. К тому же, у нас ведь "пробный режим"? Следующий, я обещаю, следующий будет нашим первым официальным клиентом, и я обязательно посчитаю себестоимость, прежде чем брать деньги... Ладно, можем мы не обсуждать это при госте?»

Чэнь Цин всё ещё стоял в дверях с растерянным видом: «...Я должен возместить тебе деньги».

Тань Чжифэн слабо улыбнулся: «Не волнуйтесь, я не буду работать в убыток. Ваш гуань всё ещё у меня. Если завтра утром захотите чего-нибудь, можете сказать мне заранее».

— А, я... — Чэнь Цин, кажется, понял, что это был недвусмысленный намёк на то, что пора уходить. Он напряг все свои извилины и, подумав, сказал: — Всё... всё подойдёт, что приготовишь, то и буду есть.

— Хе-хе, самое трудное — это готовить "что-нибудь" и "всё равно что", — пробормотала Чжочжо в стороне, а затем немного вспылила: «Странно... я говорю в том же тоне, что и этот негодяй И-и».

— Я хорошо подготовлюсь, — Тань Чжифэн подошёл и откинул для Чэнь Цина толстую тканевую занавеску. Снаружи тут же ворвались ветер и снег. Чанчан, всё ещё сидевший на корточках, пытаясь решить задачу, непроизвольно вздрогнул.

Чэнь Цин накинул халат, надел шляпу и, попрощавшись с Тань Чжифэном, то и дело оглядываясь, пошёл к воротам двора напротив. Когда дверь открылась, Тань Чжифэн смутно увидел, что двор внутри довольно просторный и чистый, выглядел так, будто его регулярно убирают.

Тань Чжифэн тихо выдохнул, и облачко белого пара растворилось в снеге с дождём. «Холодно», — он в последний раз взглянул на тёмный вход в переулок, повернулся, опустил занавеску и сказал двум оставшимся, одному развалившемуся у стойки, а другому сидевшему на корточках: «Отдыхайте, я уберу».

— О... слушаюсь... — протянула Чжочжо и щёлкнула пальцами. Бледно-розовый гиацинт на стойке слегка качнулся. В тусклом свете свечи его нежный и яркий цвет казался немного блёклым, и он быстро свернулся в клубок.

Чанчан же оставался в той же позе, ошеломлённо сидя на корточках, его взгляд, минуя Тань

Чжифэна, был устремлён ему за спину. Тань Чжифэн тоже устал. Он взял Чанчана за руку и помог ему встать: «Видишь, я же говорил тебе не сидеть так долго, ноги затекли, да?»

Он подумал, что Чанчану не дело целыми днями сидеть на корточках и рисовать на земле, и добавил: «В следующий раз я сделаю тебе у стены маленький столик, а когда будет время, научу тебя читать и писать».

— Нет-нет, посмотри... — Чанчан указал на место под занавеской, где только что стоял Тань Чжифэн. Только тогда Тань Чжифэн заметил, что сзади в комнату ворвался холодный ветер.

Кто бы мог прийти так поздно? Тань Чжифэн медленно обернулся и был ошеломлён внезапно появившимся человеком.

У входа стоял высокий мужчина. На нём была синяя короткая рубашка, под ней — коричневые грубые штаны. Волосы были небрежно связаны, а лицо в тени занавески было неразличимо, но, казалось, оно было ранено и в крови.

Он, пошатываясь, вошёл, опёрся рукой о ближайший стол, чтобы устоять, поднял голову и острым, холодным взглядом посмотрел на Тань Чжифэна и Чанчана.

В ушах у Тань Чжифэна зазвенело. Профиль человека, которого он спас в ту ночь, когда только приехал в Кайфын, и который не давал ему покоя, в колеблющемся свете ламп постепенно слился с грязным лицом мужчины перед ним.

— Чжочжо, И-и... — Чанчан вдруг почувствовал, что ему не хватает воздуха. Он пискнул, как комар: «Спасите, спасите... нищий вломился...»

К удивлению, Чжочжо и И-и не пошевелились, и Тань Чжифэн тоже молчал. Чанчану ничего не оставалось, как вцепиться в ногу Тань Чжифэна и, растерянно, отвести взгляд от этого человека, от которого веяло губительной ци и запахом крови.

Рот мужчины приоткрылся, словно он хотел что-то сказать, но не успел он произнести ни слова, как его тело пошатнулось. Тань Чжифэн уже хотел было подхватить его, но увидел, как он накренился в сторону и безвольно рухнул на пол.

— А... мертвец! — Чжочжо, появившись, пронзительно закричала, но Тань Чжифэн тут же зажал ей рот. Он поднёс палец к носу мужчины, чтобы проверить его дыхание, и обнаружил, что тот жив. Он велел И-и закрыть дверь, и они вдвоём, положив мужчину на пол, осторожно перенесли его в заднюю часть комнаты.

— Братец Чжифэн, что... что... теперь... делать? — заикался от волнения Чанчан. — А вдруг он плохой человек?

— Не знаю, — Тань Чжифэн изо всех сил сдерживал внутреннее смятение, стараясь как можно спокойнее ответить Чанчану. — Сначала принеси воды, надо его обтереть.

За стеной с очагом мелькнула зелёная тень, и И-и вышел с тазом воды. Тань Чжифэн проверил пульс мужчины и обнаружил, что его сердце всё ещё бьётся сильно и ровно, значит, он просто потерял сознание. Неизвестно, есть ли у него раны. Тань Чжифэн немного помедлил, затем подал знак И-и, и они вместе развязали верёвку, которой был подпоясан мужчина, и, потянув за рукава, сняли с него рваную синюю рубашку.

Сердце Тань Чжифэна колотилось. Под рубашкой у мужчины ничего не было, и как только её

сняли, обнажился его крепкий, худощавый торс. На нём было много синяков и ссадин, похоже, он только что пережил жестокую драку.

Тань Чжифэн тщательно протёр его тело от крови и грязи, осматривая раны. Он обнаружил, что это были лишь внешние ушибы, несколько порезов, но внутренние органы не были задеты. Он вздохнул с облегчением, попросил И-и принести ткань и сам осторожно перевязал ему раны. Затем он начал протирать его лицо, скрытое под волосами.

Чжочжо, держа в руках рваный узелок мужчины, подошла к Тань Чжифэну. За ней, всё ещё немного испуганный, шёл Чанчан. Увидев лицо мужчины после того, как его протёрли, они оба в один голос вскрикнули от удивления.

Когда этот человек вошёл, его одежда и вид действительно напоминали попрошайку. С его грязью его можно было бы положить под мост Тяньцяо, и он бы ничем не отличался от бродяг. Но теперь, когда его вымыли, он оказался стройным, хорошо сложенным и очень красивым молодым человеком.

Ему было около двадцати лет, лицо немного худощавое, с двумя ровными, густыми бровями, идущими вразлёт. Глаза были глубоко посажены, закрыты, с длинными, тёмными, слегка загнутыми ресницами. Нос был высокий, а губы, которые только что были синими от холода, под прикосновением Тань Чжифэна и в тепле комнаты постепенно порозовели.

— Ты нашёл сокровище, Тань Чжифэн! — радостно воскликнула Чжочжо. — Смотри, нам как раз не хватает рабочих рук. Ты, нет, мы его спасли, он должен отплатить нам своей жизнью. Можешь оставить его в качестве чернорабочего, и денег ему платить не надо. К тому же, ты же любишь мужчин, а он, по-моему, вполне в твоём вкусе. Может, тебе и не стоит искать своего бывшего любовника, пусть этот сойдёт, будет у нас хозяйкой! Погоди... дай-ка я посмотрю, что у него в узелке?

Тань Чжифэн ошеломлённо смотрел на закрытые глаза мужчины, и почему-то в сердце у него стало кисло. Он, словно во сне, поднял руку и потянулся к его чётко очерченному лицу.

Внезапно глаза мужчины открылись. Его тёмные, спокойные зрачки сверкали ослепительным светом, и он, не мигая, смотрел на Тань Чжифэна.